

QWERTY-ЭФФЕКТЫ, PATH DEPENDENCY В ПРАВЕ: НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ

© 2012 В.В. Болгова

доктор юридических наук, профессор

Самарский государственный экономический университет

E-mail: vv1976@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы применения методологии QWERTY-анализа и концепции Path Dependency к изучению проблем правового прогресса и преемственности.

Ключевые слова: QWERTY-эффекты, Path Dependency, право, теория.

Вопрос о том, что определяет правовое развитие, что или кто является основой динамики правовых институтов, законодательства, правоотношений, пожалуй, один из основных в юриспруденции. И каждый, кто обращается к богатству теоретического опыта предшественников, найдет множество вариантов ответа на этот вопрос. В свое время Савиньи и его последователи изучали народный дух и обычаи. В марксизме исследуются проблемы экономического детерминизма. Странники теории Ю. Хабермаса обсуждают конфликт системного мира (общества как системы формальных норм, в которой отношения между людьми строятся по принципу власти-подчинения) и жизненного мира (повседневной жизни людей, которая создается самими людьми в процессе общения между собой), сам конфликт выступает двигателем социального развития и правового прогресса¹. Адепты теории коммуникации Н. Лумана рассматривают проблемы аутопойесиса общества². Концепция социального права Ж. Гурвича также, так или иначе, выводит нас на проблему оценки взаимосвязи динамики социальной жизни и правовых явлений³. Нормативисты ищут источник правового прогресса в самом праве.

При всем многообразии подходов к оценке характера, сути и качества движущих сил, вопрос о правовом прогрессе в целом кажется решенным. Аксиомой правовой теории является идея о том, что право как социальное явление реагирует на различные факторы, приобретает новые качества, прогрессирует⁴. Ф.Ф. Литвинович замечает: “От этапа к этапу в развитии права повышается уровень нормативных обобщений, преемствуются и приобретают все большее значение абстрактные способы изложения по сравнению с казуистическими, правовая материя на-

сыщается нормами-дефинициями, нормами-принципами, в строгом соответствии с естественными законами развития природы рост нормативной всеобщности и общеобязательности приводит к повышению регулятивной энергии права, т.е. его способности охватить своим воздействием максимально широкий круг общественных отношений”⁵.

Но любой исследователь, говоря о движении права “вперед”, не может не заметить и тот факт, что такое движение явно противоречиво. Оно предполагает не только приращение нового, но и сохранение прежнего опыта, прежнего качества. В теории устойчивость институтов, их воспроизводимость в различных исторических условиях принято называть правовой преемственностью. В.А. Рыбаков пишет: “Преемственность является обязательным условием прогрессивного развития права”⁶.

Само признание объективности преемственности - заслуга современной юриспруденции. Освободившись от давления идеологического фона, сопровождавшего советское правоведение, призванное описать возникновение абсолютного нового социального, государственного, политического, правового качества, и с необходимостью отрицавшего возможность преемства правовых форм права буржуазного, современная наука обрела большую независимость в оценке проблемы.

Справедливости ради нужно отметить, что начало исследования проблем преемственности было положено именно в советский период; 70-80-е гг. прошлого столетия стали временем, когда научная разработка ряда вопросов преемственности в праве заметно продвинулась вперед. Опубликованы монографии Н. Неновски “Преемственность в праве” (1978), Г.В. Швецова “Преемственность в праве” (1983), Т.В. Нако-

нечной “Преемственность в развитии советского права” (1987). Защищена диссертация Е.В. Родиной “Преемственность принципов советского государственного права” (1988), напечатан ряд интересных статей⁷.

Теоретический анализ преемственности в праве продолжается и в современной науке. Защищено несколько диссертаций: Ф.Ф. Литвинович “Преемственность в праве: вопросы теории и практики” (2000), Н.А. Рябинин “Преемственность государственности” (2001), М.В. Головацкая “Преемственность в форме государства: теоретико-правовое исследование” (2003) и др.

Безусловно, подходы, представленные в названных и иных работах, разнятся, каждый ученый с большим или меньшим успехом вносит определенный вклад в развитие темы, выделяет те или иные существенные качества процесса преемственности. Но при всех различиях теоретических конструкций роднит их следующее обстоятельство: преемственность рассматривается как диалектический “партнер” правового прогресса, как объективный элемент общего движения “от запретительно-дозвоительного к преимущественно дозволительному регулированию, к прочному утверждению статуса автономной личности, и отсюда повышение удельного веса в правовой действительности субъективных прав...”⁸. Единство прогресса и преемственности оценивается как необходимая часть такого развития права, при котором “с его помощью в обществе утверждаются и преемствуются общечеловеческие, демократические ценности, противостоящие произволу и беззаконию, формируется демократическое общество, неотъемлемым элементом которого становится право, впитавшее в себя все достижения мировой правовой культуры”⁹.

Объективность, необходимость преемственности рассматриваются в аспектах “силы” права, сохраняющего положительные качества в процессе перехода на новую, более высокую ступень развития, оцениваются как гарантия стабильности¹⁰. И лишь в ряде случаев мы видим, что к общей позитивной оценке преемственности в праве добавляется признание факта возможного ее негативного влияния. Одним из первых обратил внимание на это обстоятельство Н. Неновски¹¹.

Вслед за ним и другие исследователи отмечают, что преемственность предполагает в ряде случаев сохранение в содержании и в форме права ряда моментов, явно не соответствующих со-

временным потребностям. Так, И.И. Андриановская к числу негативных моментов преемственности в трудовом праве относит, в частности, сохранение юридико-технического приема формулирования легальных дефиниций путем указания определения “в скобках”; отсутствие легальной дефиниции понятия “перевод”; сохранение дефиниции понятия “прогул”; дублирование правового материала и пр.¹²

Показательно, что, отмечая негативные стороны преемственности в праве, исследователи относят это, скорее, к моментам неких технических недоработок, проблем, совершенно определенно решаемых при рациональном подходе к юридической практике. Отсюда и предложения, и даже призывы “вернуться”, “избавиться”, “преодолеть”, “отказаться” и так далее в самых различных вариантах.

В общем виде, оценивая ситуацию, сложившуюся в области исследований правового прогресса, можно отметить следующее: сегодня общепризнанным является тот факт, что сохранение прежнего качества, старых правовых форм и институтов является процессом объективным. Если в процессе анализа обнаруживается, что такие элементы правовой жизни не отвечают потребностям регулирования общественных отношений, не отвечают на актуальные социальные запросы, воспринимаются на практике и в теории как отжившие, как излишние, то это относится в область неких рациональных недоработок, правотворческих просчетов, вполне устранимых и корректируемых при адекватном построении правовой политики.

Но так ли очевидны данные выводы? Всегда ли принципы рациональности срабатывают в социальных процессах и системах? Всегда ли то, что мы имеем, результат осознанного, мотивированного выбора? Всегда ли сохранение неких устаревших стандартов является лишь элементом некоего “недосмотра” и “недоработки”? В целом, так ли пластична правовая форма общественных отношений, как нам того хочется?

И если в области юриспруденции мы, как правило, получаем утвердительный ответ на данный вопрос, то в других социальных исследованиях все не столько однозначно и очевидно. Учитывая тот факт, что для различных сфер социального характерны общие законы, хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что юриспруденция напрасно не использует резуль-

таты, полученные нашими коллегами. В частности, вопрос сохранения архаичных институтов и форм и влияния подобного сохранения на современность активно разрабатывается в экономической науке.

Все началось в 1985 г., когда американский историк-экономист Пол Дэвид опубликовал статью, посвященную, казалось бы, весьма мелкому вопросу - как появился современный стандарт клавиатур печатающих устройств. Когда в 1868 г. в США начали серийно производить печатную машинку, то сначала ее клавиши располагались в два ряда с последовательным изображением литер от А до Z. Однако первые модели печатных машинок, выпускаемых фирмой “Ремингтон”, работали так, что при быстром последовательном нажатии на две соседние клавиши они цеплялись одна за другую. Тогда пришлось найти вариант клавиатуры, где самые часто встречающиеся двухбуквенные комбинации разнесены по разным краям. Так в середине 1870-х появилась та самая QWERTY-клавиатура, которая стала всеобщим стандартом в странах с латинским шрифтом.

Таким образом, указал П. Дэвид, QWERTY-клавиатура возникла не в силу осознанного, рационального выбора создателей машины, а вследствие стечения временных и довольно случайных технических обстоятельств. Уже два десятилетия спустя печатные машинки настолько усовершенствовались, что сцепление клавиш стало невозможным. Однако QWERTY-клавиатура так и осталась единственным стандартом.

Позже, в 1936 г., американский изобретатель Август Дворак запатентовал принципиально новую, научно обоснованную раскладку клавиатуры. И вот здесь-то возникает парадокс, на который обратил внимание П. Дэвид. Хотя проведенные в 1940-е гг. эксперименты показали, что клавиатура Дворака ускоряет набор текстов на 20-40 %¹³, в массовое употребление новый стандарт так и не вошел. Клавиатура Дворака тоже не является совершенной - позже были предложены и другие, еще более “быстрые”. Но, несмотря на все инновационные предложения, новые клавиатуры появляются только у немногих “фанатов”. Абсолютное же большинство производителей и “юзеров” по-прежнему пользуются QWERTY-клавиатурой.

Свое объяснение загадки QWERTY П. Дэвид дал следующим образом: чтобы понять, что же произошло в последние десятилетия XIX в.,

экономист должен обратить внимание на тот факт, что пишущие машинки начинали становиться элементом большой, довольно сложной производственной системы... Эта система включала как работающих на пишущих машинках операторов, так и механизмы машинописи, и поэтому в число принимающих решение агентов, помимо изготовителей и покупателей пишущих машинок, входили также машинистки, предлагавшие предпринимателям свою квалифицированную рабочую силу, а также разнообразные организации, частные и общественные, занимавшиеся обучением людей навыкам машинописи... Эта крупная производственная система не была чьим-либо проектом, она складывалась стихийно. Доминирование QWERTY объясняется тем, что сработали спонтанные эволюционные процессы технической взаимосвязанности, экономии от масштаба и квазиобратимости инвестиций. Эти элементы образуют основу того, что можно назвать QWERTY-номикой (QWERTY-nomics)¹⁴.

Таким образом, как отмечает П. Дэвид, в ситуации выбора между привычным и лучшим, срабатывает привычное. На эту ситуацию не влияют ни рыночная конкуренция, ни рациональность. Американский экономист Брайан Артур, развивший идеи П. Дэвида, назвал это явление эффектом блокировки - происходят необратимые изменения, причем только в одном направлении: когда из множества конкурирующих стандартов побеждает один, то возврат к многообразию стандартов становится практически невозможным. Таким образом, победа и сохранение какого-то одного стандарта неизбежны, но нет именно *объективной* закономерности в том, какой именно стандарт окажется победителем. Здесь огромную роль играет “историческая случайность”, которая где-то в начале изучаемого процесса может определить все дальнейшие события.

История победы QWERTY-клавиатуры над более эффективными стандартами может показаться в масштабе глобальной истории чем-то малозначимым. Однако изучение истории технических стандартов, начатое после работ Пола Дэвида и Брайана Артура, показало, что QWERTY-эффекты встречаются буквально на каждом шагу, например, при сохранении различий в стороне дорожного движения, ширине железнодорожной колеи, стандартах видеозаписи, устойчивости применения двигателей внутреннего сгорания, углеводородного топлива и т.д.

Результат внешнего выражения QWERTY-эффектов, устойчивое сохранение неэффективных норм, институтов стали называть проявлением зависимости от предшествующего развития (Path Dependency). Концепция Path Dependency, имея ту же методологическую основу, распространяет зависимость от пути не только на систему технических стандартов, но и на более широкий класс явлений - экономические институты, понимаемые как правила игры общества, ограничительные рамки, которые организуют отношения между людьми.

На наш взгляд, Path Dependency мы наблюдаем и в праве. Немного истории. Во время восстания 1525 г. в Германии крестьяне требовали решительного устранения всех “докторов права”, выступавших за отмену местных обычаев в пользу римских правовых норм. Гражданский кодекс 1804 г. объявлял биржевые сделки недействительными, а Уголовный кодекс 1810 г. признавал их наказуемыми. Начиная с конца 40-х гг. прошлого века судебная практика решительно порвала со взглядами, выраженными в этих законах, и в период Второй империи биржи развернули свои операции, не опасаясь уголовных преследований или признания недействительными их сделок. Вместе с тем только в 1885 г. последовал закон, отменявший наказуемость биржевой игры, установленную при Наполеоне I. При этом во многом запрет, включенный в Кодекс 1804 г., является результатом рецепции римских норм, воспроизводимых в новом законодательном акте.

Не меньше примеров сохранения стандартов и в исламском праве. В частности, несмотря на активное развитие финансового сектора экономики, в исламских государствах существует запрет получения/выплаты процентов (Риба), что приводит к отсутствию традиционных депозитов, займов, облигаций и овердрафта.

В отношении современного российского права о сохранении явно устаревшего стандарта, на наш взгляд, можно говорить в отношении формулировок вины, которые используются в российском праве. Сложившись в уголовном законодательстве, они “кочуют” в других отраслях, несмотря на то, что в процессе правоприменения мы испытываем значительные сложности в применении, например, формулировок ст. 108 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ). К числу подобных “стандартов” можно отнести и принцип деления вины на формы (умысел и неосторожность), хотя в целом, вне рамок уголовного права, сама форма вины, как правило, не име-

ет значения при квалификации деяния¹⁵. “Стандарт” срабатывает и в отношении деления юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации, хотя, в принципе, вопрос занятия предпринимательской деятельностью не ставится напрямую в зависимость от организационно-правовой формы. Архаическим стандартом выступают, на наш взгляд, и законодательные требования нотариального удостоверения копий с документов. Инертность правовой формы, не отражающей современный уровень развития электронного документооборота, электронной торговли, также пример архаичности стандартов. Некоторые исследователи относят к числу архаизмов и правовые формы демократических институтов¹⁶.

“Срабатывают” стандарты и в области принципиального выбора того или иного варианта правового развития. В 1990-е гг. американский экономист Рафаэль Ла Порта предпринял исследование эффективности правовых норм, регламентирующих имущественные отношения. Его результатом стал вывод о принципиально большем регулятивном потенциале общего права по сравнению с правом гражданским, основанным на традициях римских юристов.

К аналогичным выводам приходит и Н.П. Ульянова: “Гражданское право зависит от государства, кодексов и правил, а общее право - от судей, более широких правовых принципов и выступлений в суде. Кроме того, есть существенные отличия между странами общего права и странами гражданского права в разнообразии политических и экономических условий развития. Страны гражданского права сильнее страдают от жесткой регламентации, слабо защищенных прав собственности, коррупции, неэффективных правил и даже от ограничений политической свободы, чем страны общего права”¹⁷.

Анализируя соответствующие системы, Н.П. Ульянова приходит к выводу, что подходы common law более эффективны в деле защиты права собственности, в регулировании финансовых рынков, но “сформировавшаяся несколько веков назад правовая система сильно влияет на современное развитие стран мира - можно даже сказать, что влияет коренным образом. Анализ показывает сильнейшую зависимость правовых институтов от предшествующего развития. Ведь как бы ни было общее право более совершенным и эффективным, но страны гражданского права вряд ли примут его, несмотря на все очевидные преимущества. Генетически люди, вос-

питанные в традициях *civil law*, требуют большего уровня “диктатуры” и “государственного контроля”, считая, что альтернатива - это бесправие”¹⁸.

Среди причин устойчивости явно устаревших институтов современные исследователи называют:

1) *системную взаимозависимость*. Применительно к правовой действительности ее порождают единство правовой формы и юридической практики, подпитываемое юридическим образованием. Любой образовательный процесс с неизбежностью транслирует предыдущий опыт, создает определенный формат действий, устойчиво воспроизводимый обучающимся в будущем. В этом смысле юрист и правовой институт - единое целое, которое способно порождать специфическую, отдельную правовую реальность. Рассматривая роль и значение римского права для современности, И.А. Покровский пишет: “Непрерывное многовековое изучение римского права, в особенности остатков римской юридической литературы, формировало юридическое мышление Западной Европы и создавало сильный класс юристов, руководителей и деятельных помощников во всякой законодательной работе. Объединяя Европу на практике, римское право объединяло ее и в теоретических исканиях: юриспруденция французская работала все время об руку с юриспруденцией немецкой или итальянской, говорила с ней на одном и том же языке, искала разрешения одних и тех же проблем. Так возникала на почве римского права дружная общая работа всей европейской юриспруденции, продолжавшая работу мыслителей античного мира: факел, зажженный каким-либо римским Юлианом или Папиньяном, через бесконечную цепь сменявшихся рук, дошел до современных ученых всех наций”¹⁹.

Характеризуя роль юристов в процессе европейской рецепции права, И.А. Покровский отмечает: “Образованные юристы группируются около королевской власти, проникают в администрацию и суды и разными путями проводят в жизнь усвоенные ими учения римского права; положения последнего проникают в судебные решения и в ордонансы королей”²⁰.

Подобная активность, значимость юридической деятельности характерна, в той или иной степени, для любой правовой системы, но особенно важна для так называемой западной традиции права, к числу характерных черт которой относят:

1) относительно резкое различие проводится между правовыми институтами и учреждениями (включая процессы) и другими типами учреждений;

2) управление правовыми учреждениями в западной традиции права доверено специальному корпусу людей, которые занимаются правовыми действиями на профессиональной основе, в качестве своей более или менее основной работы;

3) эти профессионалы специально обучаются в рамках отдельного раздела высшего образования, определяемого как юридическое образование, имеющего свою собственную профессиональную литературу, профессиональные школы и иные места обучения;

4) та сумма юридических знаний, которую получают специалисты в области права, находится в сложном, диалектическом отношении к правовым учреждениям. Право включает в себя не только правовые учреждения, правовые требования, правовые решения и т.п., но и то, что правоведы (включая и законодателей, судей, других официальных лиц) говорят об этих правовых учреждениях, требованиях и решениях. Право содержит в себе и науку о праве - правоведение, то метаправо, с помощью которого его можно оценивать и анализировать”²¹;

2) *рост отдачи от масштаба*. Чем шире применяется та или иная норма, тем меньше затрат на ее реализацию. Чем “ближе” норма к ранее созданному, тем менее интенсивно необходимо преобразовывать правовую материю, тем “легче” она встраивается в уже существующий механизм правового регулирования. Не случайно практически все кодифицированные правовые акты в России сохраняют деление на общую часть и особенную. Несмотря на установление прямого действия Конституции РФ, часть ее положений все же по сложившейся традиции не была реализована до принятия специальных нормативных актов, в частности, нормы п. 3 ст. 59 Конституции, определяющие право граждан РФ на альтернативную гражданскую службу.

Указанная нами закономерность касается не только и даже не столько иерархии правовых предписаний, сколько предполагает сохранение существующих механизмов реализации. Примеров тому множество. Создание арбитражных судов в России в 1990-е гг. было связано с желанием сохранить организационный и кадровый потенциал государственного арбитража. “Новый” (в плане содержания) Федеральный закон “О полиции” создавался с учетом уже существующей системы МВД, и в том числе с учетом того, что кадры уже имеются. Новые образовательные стандарты ВПО ориентированы на традиционную академическую структуру - профилирующие кафед-

ры, научное руководство, штатный профессорско-преподавательский состав и т.д.;

3) *долговечность социального капитала*. Иначе, правовые традиции, результаты социализации, общая ментальность. А.А. Матюхин пишет: «Термином “традиция” обозначается преемственность знаний, правил поведения и т.д., осуществляемая в последовательности смены эпох. А эффект актуализации этих знаний и превращения их в нормы-образцы поведения - термином “культура”. ... действительно, правосознание возникает не в изолированной среде, а в комплексе того феномена, который называется культурой»²². С.В. Поленина и Н.П. Колдаева подчеркивают, что традиции живучи, и пренебрежение ими, неиспользование накопленного интеллектуального, народного, государственного опыта удлиняют путь к истине. На необходимость учета традиции права при принятии тех или иных правотворческих решений обращает внимание и С.В. Ткаченко: «“Почва” отличается особой исторической памятью, неожиданно проявляющейся через многие годы, прежде всего, в кризисные моменты»²³.

Влияние традиции на современное правовое развитие сегодня исследуется достаточно активно. Правда, на наш взгляд, результаты таких исследований страдают определенной односторонностью. Национальная традиция (русская) исследуется в рамках проблем правового нигилизма, который в последние годы, в том числе с высоких трибун, обозначается, как правило, базовым качеством отечественной жизни²⁴, как естественное следствие неясности российских законов. В западной правовой науке традиция исследуется в контексте типологических критериев классификации правовых систем²⁵.

Ни в коей мере не отрицая возможности и необходимости исследований в соответствующих направлениях, тем не менее необходимо отметить, что ими не стоит ограничиваться. На наш взгляд, далеко не исчерпана проблема в части оценки влияния юридической традиции на особенности правотворчества, правоприменения, интерпретации. В аспектах обсуждаемой нами проблемы возможно и исследование влияния правовой традиции на устойчивость правовых институтов, а также на инерционные моменты в части изменения правовой формы и содержания;

4) *“провалы” государственной политики, в частности, правовой политики*. Идея ответственности государства за QWERTY-номику, а применительно к нашей традиции - за QWERTY-право связана с общей дискуссией о роли государства в регулировании социальных процессов.

Если общество объективно склонно выбирать из двух стандартов менее эффективный, но привычный, то вот она точка применения государственных усилий. “Правильный” выбор нужно простигулировать, а иногда и понудить к нему. Следовательно, если какой-либо архаичный, неэффективный институт относительно устойчив, то это как минимум индикатор недостаточной активности и эффективности государства в той или иной точке его функционирования²⁶. Не случайно, как правило, неэффективность того или иного правового предписания связывают с отсутствием либо низким качеством механизма реализации правовой нормы. И как следствие, призывают, иногда в достаточно оригинальной форме²⁷, подобные механизмы создавать, совершенствовать и развивать.

Правда, есть и другое мнение. Провалы в политике государства связывают как раз с его чрезмерной активностью, когда обществу навязывают нехарактерные для него формы, институты, когда в режиме заимствования на российскую почву привносятся явно нежизнеспособные правовые институты.

Видимо, правы и те и другие. Ведь немало примеров, когда общественное сопротивление становится причиной нереализации действительно позитивных норм. В частности, идеи, заложенные в действующем Жилищном кодексе Российской Федерации, ориентированном на развитие инициативы и ответственности собственников жилья, фактически так и остаются идеями. “Мертвыми” во многом остаются нормы Федерального закона от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ “Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”²⁸

Огромное внимание экономистов к феномену QWERTY-номики сегодня связано именно с решением базового вопроса о пределах и качестве вмешательства государства в регулирование рынка. Правоведение, хотя и опосредованно, также волнует эти проблемы. Не случайно столь активно разрабатываются в последние годы вопросы правовой политики.

Но возможности использования самой методологии Path Dependency в правоведении, на наш взгляд, более широкие. Принятие того факта, что не всегда институт устойчивый, традиционный является действительно лучшим, и, с другой стороны, старый институт не всегда может быть заменен на новый; понимание того, что в основе выбора того или иного варианта правового развития может лежать не рациональное начало, а цепь исторических случайностей; наконец, при-

знание того, что не всегда активные действия правотворцев приведут к реальной замене регулирующих правил - все это может стать дополнительным основанием для развития правового прогнозирования, правового мониторинга, дать новый толчок для использования в отраслевых юридических науках научных результатов, полученных в области истории государства и права.

Конечно, объяснение из области “так получилось” вряд ли удовлетворяет кого-либо, но понимание причин того, почему мы имеем дело именно с таким регулятивным и охранительным потенциалом современного права, как минимум, полезно. И наконец, развитие идей, свойственных идеологии Path Dependency, приводит к выводу о том, что не всегда новое и современное заменяет то, что нам кажется “старым” и отжившим свой век. Представить себе мир, в котором без всякой инерции и оглядок на прошлое можно изменить любые нормы, стандарты, правила, можно. Можно даже и жить в таком мире, что делала Россия в 1990-е гг. и продолжает делать в некоторых сферах (образование, например) и сегодня. Однако подобное существование вряд ли удовлетворит общество, испытывающее потребность в стабильных правилах игры, сохраняющее “генетическую” память и установки.

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. М., 2001.

² Посконина О.В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. Ижевск, 1997.

³ Гурвич Ж. Социальные рамки познания. URL: www.lko.ru/gs/1201971717.htm.

⁴ См.: Барсукова А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004; *Его же*. Правовой прогресс // Гуманитарные исследования: Правоведение. 2003. № 7. С. 12-19; Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. (Проблемы теории и методологии) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1996; Люкина О.В. Судебно-правовой прогресс в современной России: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009; и др.

⁵ Литвинович Ф.Ф. Теоретические вопросы преемственности в праве // Вестн. ВЭГУ. 2009. № 5 (43). С. 19-20.

⁶ Рыбаков В.А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. С. 12.

⁷ См.: Черниловский З.М. Досоциалистическое право: прогресс и преемственность // Советское государство и право. 1975. № 11; *Его же*. Социалистическое право переходного периода и проблемы преемственности // Советское государство и право. 1977. № 10; Бабаев В.К. О преемственности между социали-

стическими и прошлыми типами права // Советское государство и право. 1975. № 12; *Его же*. Советское право как логическая система. М., 1978. Гл. 2; *Его же*. Методологические вопросы преемственности в праве // Вопр. теории государства и права. Саратов, 1987; Горшенев В.М. О преемственности в советском праве // Проблемы социалистической законности. Харьков, 1980. Вып. 6.

⁸ Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. С. 142.

⁹ Литвинович Ф.Ф. Указ. соч. С. 19.

¹⁰ Там же. С. 24.

¹¹ Неновски Н. Преемственность в праве. М., 1977.

¹² Андриановская И.И. Преемственность в трудовом праве. Южно-Сахалинск, 2010. С. 80, 82; и др.

¹³ Вопрос о большей эффективности клавиатуры Дворак спорный.

¹⁴ David P.A. Understanding the Economics of QWERTY: The Necessity of History // Economic History and the Modern Economist / ed. by W.N. Parker. N.Y., 1986. P. 30-49.

¹⁵ Например, в налоговом законодательстве лишь в ст. 122 НК РФ устанавливается зависимость размера санкции от вины в форме умысла.

¹⁶ Дугин А. Демократия как она есть. URL: http://www.profile.ru/items_23617.

¹⁷ Ульянова Н.П. PATH DEPENDENCE в конкуренции CIVIL LAW и COMMON LAW. URL: <http://www.management.edu.ru/db/msg/211419.html>.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Покровский И.А. История римского права. М., 2004. С. 12.

²⁰ Там же. С. 56.

²¹ Берман Дж. Западная традиция права. Эпоха формирования. М., 1998. С. 25-27.

²² Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы, 2000. С. 55.

²³ Ткаченко С.Ф. Правовые реформы в России: проблемы рецепции западного права. Самара, 2008. С. 346-347.

²⁴ См., например: Ткаченко В.Б. Российский правовой нигилизм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000; URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/05/110504_russia_law_nihilism_doctrine.shtml.

²⁵ Patrick G.H. Legal Traditions of the World: Sustainable Diversity of Law. Oxford, 2000. P. XI.

²⁶ См., например: Бренделева Е.А. QWERTY-эффекты, институциональные ловушки с точки зрения транзакционных издержек // Экон. вестн. Рост. гос. ун-та. 2006. Т. 4. № 2. С. 42-47; Василенко Н.В. Институциональные ловушки в сфере Российского образования // Экономика и математические методы. 2005. № 4. С. 17-23.

²⁷ См., например: Серова И. Пиар-реанимация мертвых правовых норм??? Креатив от российских пиарщиков. URL: <http://blog.liga.net/user/iserova/article/2067.aspx>.

²⁸ Собрание законодательства РФ. 2009. № 48. Ст. 5711.